

Сергей Николаевич Азбелев,
доктор филологических наук, профессор

ГОСТОМЫСЛ

Краткие упоминания о Гостомысле есть в ряде летописей XIV-XVI вв., где он обычно назван старейшиной или посадником.¹ В этих летописях нет речи о предшествовавших Рюрику князьях иной династии, что естественно для памятников средневековой историографии, отредактированных во времена правления Рюриковичей. Исключение составляет Иоакимовская летопись, основной текст которой сохранился до того времени, когда правила уже династия Романовых и ослабли побудительные мотивы именно Рюрика считать первым князем Русской земли. Обязанные устной традиции сведения Иоакимовской летописи² (далее – ИЛ) при соотнесении их содержания с иноязычными материалами Средних веков и с записями фольклористов Нового времени помогают пролить свет на вопрос о происхождении Гостомысла. Эта летопись сообщает подробно, что инициатором приглашения князя Рюрика был княживший до него у будущих новгородцев Гостомysl.³

Только в ИЛ говорится о долго правившей славянской династии, последним представителем которой как раз и был Гостомysl. Четыре сына его погибли бездетными при жизни отца, когда его возраст уже не давал надежд на продолжение рода по мужской линии. Но оставались дочери: они были замужем и имели сыновей. Сын старшей дочери, как здесь сказано, был "негож", поэтому Гостомysl, в соответствии с явившимся ему сновидением, решил завещать

¹ См. об этом: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 424.

² См. о ней: *Азбелев С.Н.* К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Т. 9 (19). С. 6-27. См. также: *Гагин И.А.* Очередное покушение на В.Н. Татищева // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия 6 Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2. С. 119-130.

³ А. А. Шахматов, не раз обращавшийся к преданию о Гостомысле, отмечал: "...память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых (из их рода святая Иулиания Тверская)" (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 517).

княжение сыну средней дочери, выданной за иноземного правителя. Старейшины, исполняя его волю, пригласили на княжение Рюрика.

Привожу полностью этот любопытный текст, как он был изложен Татищевым: "Гостомысл имел четыре сына и три дщере. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому изомроша, и не остася ни единому им сына, а дщери выданы быша суседним князем в жены. И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысд в Колмогард вопросити боги о наследии, и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобъзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единою спясчу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны. да изложат ему сон сей. Они же реша: "От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его", и вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дщере, зане негож бе. Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И приидоша, по смерти Гостомысла Рюрик со двема браты и роды ею".⁴

Перед нами литературно обработанная запись устного предания. Фактическая его основа осложнена традиционным "бродячим" мотивом в рассказе о сне Гостомысла: параллели есть в фольклоре ряда народов. Уже Татищев указывал на сходный эпизод у Геродота; зафиксирован подобный мотив и в фольклоре скандинавском. Но ни дань фольклорной традиции в устной основе этого текста, ни принципиально возможные и местами довольно ощутимые плоды "олитературирования" в его письменной передаче не заслоняют

⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. М.;Л., 1962. Т. 1. С. 110. "Угобъзити"-насытить; "угобъзится" - процвести, возвеличиться (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1134).

важности центрального содержания: Рюрик - внук Гостомысла, рожденный его дочерью в замужестве за одним из "князей" в землях "варягов", для Гостомысла - "соседних".

Существенно, что Гостомысл известен и западноевропейским хроникам IX в.: он фигурирует там как король государства ободритов. Тождество уникального имени и хронологическое тождество не ускользнули от внимания историков. Уже А.Л. Шлёцер сопоставил летописные сведения о Гостомысле с наличием такого имени "в древнейшей Макленбургской истории", но не предал этому серьезного значения.⁵ Позднее другой русский академик Ф.И. Круг допускал, что население Северной Руси могло "обратиться к упоминаемому в 844 году Гостомыслу, царю ободритов, который без сомнения мог подать совет ильменским славянам призвать себе князя из соседних областей". Но летописные известия о Гостомысле Круг расценивал как "ни на чем не основанные предания".⁶

С большим доверием отнесся к таким данным спустя несколько десятилетий И.Е. Забелин. Напомнив, что Гостомысл, согласно текстам "латинских сказаний", - это живший в IX в. "старейший князь" ободритов, Забелин заключал, что если "в какой-либо русской древней хартии поминалось о нем как о личности, действительно существовавшей во времена призвания варягов, то это обстоятельство может давать намек, что Новгородскою волостью в то время владели именно ободриты, с их старейшиною Гостомыслом" - тем более, что "в Новгородской летописи первым посадником именуется тоже Гостомысл"⁷. Работу Ф.И. Круга автор не упоминает, но можно полагать, что у Забелина - косвенный ответ на ее скептицизм.

В то время речь шла только об упоминаниях Гостомысла в летописных текстах XIV-XVI в. Новгородскую ИЛ И.Е. Забелин, видимо, не принимал здесь во внимание вследствие неясности тогда ее происхождения. Имея в виду теперь

⁵ Шлецер А. Л. Нестор. СПб., 1809. Ч. 1. С. 303.

⁶ *Krug Ph.* Forschungen der alteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 11848. Th. 1. S. 127. См. также газетную прижизненную публикацию: "О новгородском Гостомысле" (Санкт-Петербургские ведомости. 1836. № 97. С. 422).

⁷ Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. С. 86.

и ее, можно заключить, что нет препятствий для отождествления короля ободритов Гостомысла и относимого этой летописью к тому же времени князя Гостомысла, санкционировавшего приглашение Рюрика.

В источниках нет сведений, с какого года его дед становится королем ободритов. Предшественник Гостомысла Чедраг в анналах упоминается последний раз под 826 г. Аргументировалось мнение, что после кончины Чедрага у ободритов произошла смена династий⁸. Но известий об их правителях, к сожалению, нет вплоть до 844 г., когда о короле ободритов Гостомысле говорится в связи с походом немецкого войска в земли славян. Эти известия каролингских хроник требуют сравнительного рассмотрения⁹.

Фульдские анналы, соответствующая часть которых писалась современником события, были в тот период официозной хроникой руководившего вторжением короля Людовика Немецкого. Здесь говорится о победе его над ободритами и подчинении князей после убийства их короля Гостомысла. В трудах историков довольно обычны основанные именно на этом известии упоминания, что Людовик умертвил короля ободритов¹⁰. Однако другие хронисты подобного не сообщают.

Бертинские анналы, соответствующая часть которых принадлежит тоже современнику, но независимому от Людовика, дают об этой войне, пожалуй, наиболее содержательное известие, в котором среди ее жертв Гостомысл вообще не назван. Третья современная событиям хроника - Ксантенские анналы - сохранилась в тексте, который после 870 г. был обработан сторонником Людовика Немецкого: но здесь лишь глухо упомянуто, что король Гостомысл

⁸ См.: *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts. Berlin, 1986. S. 71-72.

⁹ "Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras adgressus, quosdam in deditioem cepit, qosdam interfecit, omnes pene illarum partium regulos sibi aut vi aut gratia subegit" (Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam. Pars secunda. Berlin, s. a. P. 64); "Eodem tempore Ludewicus rex per / rexit in Winithos cum exercitu. Ibiqum unus ex regibus eorum interiit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem prebentes veniebant ad eum. Quam illo absente statim mentientes" (Ibid. P. 346); "Hludowicus Obodritos defectionem molientes bello predomuit occiso rege eorum Gostomuizli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit" (Ibid. Pars tretia. Berlin, 1960. P. 32).

¹⁰ См. например: *Giesebrecht L.* Wendische Geschichten. Berlin, 1843. S.120; *Wachowski K.* Slowanszczyzna zachodnia. Poznan, 1950. S. 109; *Dralle L.* Slaven am Havel und Spree. Berlin, 1981. S. 43; *Fritze W. H.* Fruzeit zwischen Ostsee und Donau. Berlin, 1982. S. 112; *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums... S. 73-74; *Havlik L. E.* Slovanske statni utvary raneho stredoveku. Praha, 1987. S. 155.

погиб или исчез (interiit). Об его убиении однозначно написал только фульдский анналист¹¹. Но доверять этому нет достаточных оснований.

Продолживший изучение истории западных славян, начатое у нас известными трудами А.Ф. Гильфердинга, и внимательно сопоставлявший хроники А.И. Павинский отмечал, что "фульдский анналист, находившийся в личных отношениях с королем", существенно исказил результат следующей войны Людовика Немецкого с ободритами, которых возглавил князь Добромysl: сообщая о ней коротко, анналист представил ее как победу Людовика над Добромyslom. Между тем независимая от этого короля хроника Гинкмара (соответствующая часть Бертинских анналов) подробно повествует, в сущности, о поражении войск Людовика, единственным успехом которого оказалось добывание заложников. В данной связи А.И. Павинский писал: "Это служит новым указанием на то, как неверно записывались события анналистами, находившимися в зависимости от королевского двора" (ранее, по сходному поводу, исследователь заметил, что "осторожно следует относиться к известиям, сообщаемым придворною анналистикою о победах над славянами")¹². Уже тот факт, что через сравнительно короткое время после первой войны с ободритами Людовику потребовалась вторая, победы ему не принеся, свидетельствует, что и результаты первой войны были преувеличены писавшим Фульдскую хронику духовником этого короля Рудольфом. Даже Ксантенские анналы сообщали под тем же 844 г., что сразу после ухода войск Людовика славянские князья отпали от его власти.

Сведения русских летописей позволяют оспорить основанное на односторонней информации мнение, что Гостомysl был убит в 844 г. Если бы действительно во время интервенции Людовика Немецкого он находился на берегах Лабы и если бы, только убив славянского короля, Людовик сумел добиться подчинения местных князей, то весьма осведомленный труасский епископ Пруденций, писавший тогда хронику, дошедшую в составе Бертинских

¹¹ Сокращенные и неточные повторы в хрониках X-XI в.: Monumenta Germaniae historica. Scriptorum (далее: MGN. SS). Hannoverae, 1839. Т.3. Р. 46-47. О них см. ниже.

¹² Павинский А. Полабские славяне. СПб., 1871. С. 32, 56.

анналов, не умолчал бы о столь существенном факте, ибо он уделил специальное внимание этим событиям 844 г.

По всей видимости, Людовик воспользовался отсутствием Гостомысла, которое и позволило хотя бы ненадолго привести к покорности славянских князей. Так как среди них Гостомысла не оказалось, это открывало возможность признать его погибшим. В то время возраст Гостомысла вряд ли позволял ему лично участвовать в боях. Если его внук от средней дочери Рюрик родился в начале IX в. то в 844 г. Гостомыслу было немало лет. К тому же он был, очевидно, поглощен делами своих владений у славян приильменских, как позволяет заключить ИЛ.

Дату кончины Гостомысла она не сообщает. Но под 862 г. в анналах упомянуто о главенстве у ободритов Добромысла, следовательно, Гостомысл скончался ранее. В "Повести временных лет" 862-м годом датировано приглашение Рюрика, которому предшествовало изгнание "варягов" и внутренние раздоры. Это заставляет отнести смерть Гостомысла к самому началу 860-х годов или концу 850-х. Если же принимать разделяемую многими историками поправку хронологии "Повести" на шесть лет, которую обосновал в свое время В.Г. Васильевский¹³, то следует считать, что Гостомысл скончался около середины 850-х годов.

Фульдская хроника писалась Рудольфом до 863 г. Узнав, что Гостомысла действительно уже нет в живых, тенденциозный хронист не смущаясь мог трактовать смерть вражеского короля как впечатляющий успех своего повелителя во время малорезультативного на самом деле похода против славян в 844 г. В действительности смерть Гостомысла наступила от естественных причин и не в Западной Прибалтике, а на новгородской земле. Об этом свидетельствуют данные ряда русских источников - фольклорных и летописных.

Существует во многих списках созданная уже в XVII веке так называемая "История еже о начале Русския земли", которая совместила использование

¹³ *Васильевский В. Г.* Год первого нашествия русских на Константинополь // *Византийский временник.* СПб., 1894. Т. 1. С. 258-259.

письменной и фольклорной традиций. Об этом памятнике разговор должен быть отдельный, а о Гостомысле там говорится в основном то же, что и в НИЛ, но значительно короче. Однако есть важное дополнение к ее известиям. После изложения завещания Гостомысла здесь сказано: "И егда сей умре, тогда всем градом проводиша до гроба честно, до места нарицаемого Волотово и погребоша его"¹⁴. Аналогичное известие находится в летописце новгородского Николо-Дворищенского собора. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно, но ее цитировал, в частности, архимандрит Макарий в своем капитальном труде о древностях Новгорода. И сам Макарий, и ряд его предшественников пересказывали народное предание, относящееся к могиле Гостомысла: это одна из сопкок вблизи церкви села Волотова - "холм, насыпанный над могилою князя славянского Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины, по совету коего призван Рюрик на княжение"¹⁵.

Еще в 1821 г. известный этнограф и фольклорист А. Чарноцкий предпринимал поиск предполагаемой могилы Гостомысла, раскопав ближайшую к церкви сопку, имевшую сравнительно небольшие размеры. В насыпи Чарноцкий нашел костные останки, принадлежавшие животным, и древесные угли. По заключению архимандрита Макария, "все это осталось, вероятно, после совершаемых некогда над могилою тризн."¹⁶ Повторно сопка была разрыта в 1878 г. под наблюдением Н.Г. Богословского при посещении Новгорода великими князьями. В ней "ничего найдено не было."¹⁷

Волотово поле, на котором, согласно пересказывавшимся авторами XIX в. народным преданиям, "славяне-язычники погребали своих князей, старейшин и богатырей,"¹⁸ вероятно, заслуживает серьезного внимания современных

¹⁴ *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 447.

¹⁵ *Макарий*, архимандрит [Миролюбов Н. К.]. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 568.

¹⁶ [Чарноцкий А.] Отрывок из путешествия Ходаковского по России // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. 3, кн. 2. С. 172-173; *Макарий*, архим. Археологическое описание церковных древностей... Ч. 1. С. 568. примеч. 355.

¹⁷ *Ласковский В. П.* Путеводитель по Новгороду. 2-е изд. Новгород, 1913. С. 287.

¹⁸ *Толстой М.* Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 258.

археологов. Захоронение Гостомысла может выделяться среди других своим инвентарем. Найти его - задача, конечно, далеко не простая, но, думается, не безнадежная.

Общественный статус Гостомысла у прибалтийских славян был настолько значителен, что побуждал даже враждебного хрониста называть его королем (гех). Прибытие этого лица в пределы будущей Новгородской земли естественно связывать с усилением немецкого натиска на земли славян, в частности - на государство ободритов. Переселялся оттуда на берега Ильменя, очевидно, далеко не один Гостомysl. Причины же такой миграции не уменьшались, а возрастали. Начавшись, вероятно, еще при Карле Великом, она подсказывала путь и Гостомыслу. Биография этого деятеля, хотя и доступная гипотетическому выяснению лишь фрагментарно, может служить иллюстрацией того, какова могла быть вообще этническая предыстория значительной части населения Новгородской земли.

О том, что она имела, весьма давние связи с западными, прибалтийскими славянами, неопровержимо свидетельствуют данные археологии, языкознания и этнографии, обобщенные недавно В.Л. Яниным. Он писал: "Комплекс археологических свидетельств (особенности керамики, домостроительства, оборонительных сооружений), топонимики и ономастики, ориентации денежно-весовой системы Северо-запада в сочетании с <...> лингвистическими наблюдениями указывают на то, что исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной Балтики. Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами"¹⁹.

Интересные дополнительные данные для характеристики этого процесса может дать дальнейшее обращение к фольклористике в сопоставлении со свидетельствами не только западноевропейских, но и арабских источников. Сорок пять лет назад петербургский историк В.Б. Вилинбахов в польском

¹⁹ Янин В. Л. Археология и исследования русского Средневековья // Вестник Российской Академии наук. М., 2000. № 10. С. 923.

славистическом журнале суммировал свои наблюдения и разыскания относительно соотношенности ряда мотивов и персонажей русского фольклора - главным образом былин - с балтийскими славянами²⁰. Более обстоятельному рассмотрению отдельных составляющих темы были вскоре посвящены небольшие его статьи, напечатанные в России²¹. Но должного внимания тогда эти разрозненные работы не привлекли, а скоропостижная смерть автора в 1982 г. помешала ему совокупно представить свой материал в компактном, но достаточно развернутом изложении. Ему принадлежал и ряд полезных работ, затрагивавших тему исторических связей между восточными и балтийскими славянами в историографическом аспекте²².

Особый интерес представляют произведенные Вилинбаховым сопоставления образов русского фольклора, отобразивших народные представления об "острове Буяне", с реалиями западнославянского острова Руяна, на котором находился религиозный центр прибалтийских славян-язычников вплоть до их насильственной христианизации во второй половине XII в. Согласно выводу Вилинбахова, "вся атрибуция острова Буяна (священный характер, священный дуб, змеи, янтарь, священные птицы, старцы и старицы) полностью соответствуют описаниям Арконского святилища на острове Руяне"²³. Сравнение некоторых оригинальных пассажей в текстах народных заговоров восточных славян с атрибутами главного божества славян балтийских - Святовита, в частности, с сохранившимися описаниями его идола, находившегося в Арконе, позволило автору заключить, что эти тексты передают

²⁰ Вилинбахов В. Б. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // *Slavia occidentalis*. Poznan, 1965. Т. 25. S. 155-191.

²¹ Вилинбахов В. Б. 1) Где была Индия русских былин? // *Славянский фольклор и историческая действительность*. М.; Л., 1965. С. 99-108 (совместно с Н. Б. Энгватовым); 2) Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // *Русский фольклор*. Л., 1971. Т. 12. С. 226-229; 3) Волх и Рюрик - патронимы преданий и легенд Новгородской земли // *Русский фольклор*. Л., 1972. Т. 13. С. 213-217 и др.

²² Вилинбахов В. Б. 1) Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalis*. Poznan, 1962. Т. 22. S. 254-277; 2) Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 333-347; 3) Современная историография о проблеме "Балтийские славяне и Русь" // *Советское славяноведение*. М., 1980. № 1. С. 79-84 и др.

²³ Вилинбахов В. Б. Балтийско - славянский Руан в отражении русского фольклора // *Русский фольклор*. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 184.

в трансформированном виде древние молитвы, обращенные к Святовиту²⁴.

В обеих работах В.Б. Вилинбахов использовал преимущественно записи севернорусских заговоров. Отображение представлений о священном острове можно обнаружить и в других жанрах - главным образом в былинах, записанных в пределах владений Великого Новгорода. "Остров Буян" предстает здесь как средоточие сверхъестественных сил, в частности, как место пребывания символизирующих эти силы мифических животных. Былины, повествующие о вражеском нашествии, имеют нередко в качестве преамбулы так называемый "запев о турах", глубокая архаичность которого у исследователей не вызывала сомнений: два тура, переплыв море, оказываются на "острове Буяне", где их встречает мать - турица; они ей рассказывают об увиденном, она истолковывает его как предзнаменование грядущих бедствий.²⁵ В записях былины о Даниле Ловчанине богатырю, которого хотят погубить, дают поручение отправиться на "остров Буян", дабы поймать или убить диковинного зверя, одолеть которого богатырю удастся обычно только при содействии чудесных сил.²⁶ На Балтийском острове, по представлениям севернорусских сказителей былин, находился как бы международный центр былинных богатырей²⁷.

Гельмольд, рассказывая о современных ему событиях 1168 г., когда король Дании при поддержке поморян и ободритов, высадившись на острове, подчинил "землю руян", писал, что их князь Яромир "с охотой принял крещение" и "привлек этот дикий и со звериной яростью свирепствующий народ к обращению в новую религию отчасти ревностной проповедью, отчасти же

²⁴ Вилинбахов В. Б. Балтийско - славянский Святovit в фольклоре восточных славян // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 190-198.

²⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым. М., 1904. Т. 1. С. 311-312; Прага, 1939. Т. 2. С. 60-61, 236-238, 299-300; СПб., 1910. Т. 3. С. 53-54, 76-77, 163, 378-379; Беломорские былины и духовные стихи / Собрание А.В.Маркова. СПб., 2002. С. 339-340.

²⁶ Печорские Былины / Записал Н.Ончуков.СПб., 1904. С. 163-168; Архангельские былины... Т. 2. С. 60-61, 178-182, 245-248, 264-266, 412-414; Беломорские былины... С. 203-204.

²⁷ Былиновед-диалектолог Г. Ф. Нефедов писал: "Интересны мои встречи с былинниками. Один из них рассказывал мне предания и давал объяснения содержания былин.<...> О Добрыне говорит: "Добрыня раньше был необразованный: образование получил на Балтийском острове, куда съезжались богатыри всех государств. Он был напрактикован там на 12 языках и знал разговор птичий"" (Нефедов Г. Севернорусские говоры как материал для истории // Учен. зап. Ленинградского университета. Л., 1939. № 33. Серия филол. наук. Вып. 2. С. 258-259).

угрозами, будучи от природы жестоким"²⁸. Свирепый нрав жителей Руяна, отмечавшийся не только Гельмольдом, в древнерусском языке имел обозначение "буий" и производные от него²⁹, что, вероятно, привело к соответствующему прозвищу самого места обитания этих буйных людей - по близкому созвучию.

Нахождение же там главного языческого святилища балтийских славян в течение ряда столетий - как раз в то время, когда нарастали побудительные мотивы переселений балтийских славян на восток, - очевидно, и закрепило в восточнославянском фольклоре образ "острова Буяна" как средоточия сверхъестественных сил. Но Руян отобразился и в западном фольклоре, вдохновленном устремлениями католической церкви.

По словам Гельмольда, "старое предание вспоминает, что Людовик, сын Карла, пожаловал некогда землю руян св. Виту в Корвейе, потому что сам был основателем этого монастыря. Вышедшие оттуда проповедники, как рассказывают, обратили народ руян, или ран, в веру и zaloжили там храм в честь мученика св. Вита, которого почитает эта земля. После того же как раны, они же руяны, с изменением обстоятельств, отклонились от света истины, среди них возникло заблуждение, худшее, чем раньше, ибо св. Вита, которого мы признаем слугой Божиим, раны начали почитать как бога, поставили в честь его громадного идола и служили творению больше, чем Творцу. И с тех пор это заблуждение у ран настолько утвердилось, что Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских <...> и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов"³⁰.

В правление Людовика Благочестивого, сына Карла Великого действительно был основан Ново-Корбейский монастырь, посвященный св. Виту, куда были перенесены мощи его из древнего Корбейского монастыря, существовавшего еще в VII в. на ручье Корбэ близ Амьена. Аббаты его и основали новый монастырь на берегу Везера в 816 г.

²⁸ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 235-236.

²⁹ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 348-351, 361.

³⁰ Гельмольд. Славянская хроника. С.236-237.

О достоверности предания одно время велся спор, ее признавали некоторые видные славянские ученые³¹. Но производить имя Святовит от святого Вита мешает то обстоятельство, что вторая часть этого имени присутствует и в именах других богов балтийских славян - Ругевит и Поревит³². Можно полагать, что существовала несколько иная зависимость (см. ниже). Предание же бытовало как оправдание претензий монастыря на владение островом Руюном. Они отразились в ряде документов начиная с 1070 г., когда аббат Корбейского монастыря в описи его владений назвал остров Рюген. Подтверждения этих претензий есть и в документах XI и XII вв., в частности, датированном 1149 годом письме аббата, желающего вновь получить местность Ruiana, подаренную монастырю императором Лотарем, а папа Урбан IV в 1154 г. подтвердил права монастыря на владение островом Рюген. Но с 1168 г. руянские князья стали вассалами Дании. В XIV в., после прекращения рода славянских князей, встал вопрос, кому достанется остров. В 1326 г. аббат монастыря представил для заверки грамоту, которая открывала возможность считать поморских князей, получивших Рюген, ленниками Корбейского монастыря. Этот любопытный документ возвращает нас к середине IX в.

Дарственная грамота, датированная 844 г., сообщает, что император Лотарь даровал Ново-Корбейскому монастырю на реке Везер, в котором покоятся мощи св. Вита и предстоятелем которого состоит аббат Варниус, весь остров Рюген со всеми поселениями и жителями, ибо при заступничестве св. Вита император победил славянского князя Гостомысла и завоевал его землю. Документальная копия грамоты, совершенная в 1326 г. и находящаяся в архиве Мюнстера, была опубликована с подробными комментариями в 1843 г.

Дословно здесь говорится, что монастырю передается "достояние от возобновления войны, вражеских набегов и полного разгрома их короля по имени Гестимул и других вождей его многочисленных племен"³³. Об убиении этого короля в тексте речи нет, победа же над его войском и вождями

³¹ См. об этом: *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 283.

³² См.: *Niderle L.* Slovanske starozitnosti. Praha, 1919. T. 3. S. 149.

³³ *Kodex Pomeraniae diplomaticus oder Sammlung der die Geschichte Pommerns und Rugens betreffenden Urkunden.* Greifswald, 1843. Bd. 1. S. 12. Без комментариев: *Pommersches Urkundebuch.* Stettin, 1868. Bd. 1. S. 2.

подчиненных ему племен приписывается не Людовику Немецкому, королю восточных франков, а Лотарю, возглавлявшему тогда империю (номинально еще существовавшую, но разделенную на три части в 843 г., причем центральная часть, принадлежавшая непосредственно Лотарю, включала территорию, где находился Корбейский монастырь).

Лотаря называли победителем славян в 844 г. и хроники Херсфельдской традиции (повторявшие основное содержание современного событию Фульдских анналов, но без упоминания ободритов)³⁴. Их использовала хроника самого Корбейского монастыря, где почерком XII в. в более ранний текст вписано соответствующее известие, причем, в отличие от этих хроник, побежденные славяне названы руянами, а Гостомысл фигурирует, соответственно, как король руян³⁵.

Немецкие исследователи признали грамоту подложной и составление ее связали с упомянутыми выше обстоятельствами XIV в. Но сам факт дарения Рюгена императором Лотарем Корбейскому монастырю сомнению не подвергали в связи с наличием гораздо более ранних свидетельств, достаточно определенно это подтверждающих³⁶. В связи с событиями 844 г. высказывалось мнение, что может быть, с Гостомыслом "воевали не раз или Лотарь участвовал в походе" (который, согласно хроникам IX в. организовал Людовик Немецкий), с чем и было связано дарение, а лишь задним числом его как бы удостоверила грамота, изготовленная много позже³⁷.

Однако в хрониках IX в. нет сведений о других войнах Каролингов с Гостомыслом, как и об участии Лотаря в войне 844 г. Но Лотарь был официальным главой Каролингской империи и мог, конечно, опираясь на известия о военном успехе своего младшего брата, пожаловать монастырю

³⁴ Эти анналы Вайсенбургские, Кведлинбургские, Хильдесхаймские, Альтайхские, Ламперта. См.: MGN. SS. T. 3. P. 46-47; 1868. T. 20. P. 784.

³⁵ См.: Ibid. T. 3. P. 3.

³⁶ См. комментарии: *Kodex Pomeraniae diplomaticus...* Bd 1. S. 13-15. Здесь документированы ссылками на источники упомянутые мной выше сведения относительно истории монастыря.

³⁷ *Fabricius C. G. Urkunden zur Geschichte des Furstenhums Rugen unter den eborenen Fursten. Stralsund, 1841. Bd 1. S. 9.* В советское время запальчиво оспаривал подобное мнение Г. Ловмянский, исходивший из убеждения, "что так далеко каролингская экспансия не распространялась". См.: *Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI - XII вв.).* СПб., 2003. С. 153-154. (перевод польского издания 1979г.).

права на часть территории побежденных. Пожалование Руяна именно монастырю св. Вита, конечно, подсказывалось тем, что на Руяне находилось святилище главного божества балтийских славян Святовита. Церковная традиция - замещать почитание языческих божеств почитанием христианских святых, имена которых оказывались созвучны (что практиковалось и на Руси), вполне могла инициировать направление корбейских проповедников на этот остров, где проповедь их, вероятно, оказалась результативной среди славян, вообще восприимчивых к христианству, как это показывает успех миссии Кирилла и Мефодия в Центральной Европе. Но когда для прибалтийских славян стало вполне очевидно, что их обращение в христианство используется как действенное средство в процессе германизации и ведет к полной утрате ими независимости, верх одержали языческие жрецы, от почитания св. Вита руяне вернулись к Святовиту, изгнав христианских священников и даже начав в жертву ему приносить христиан. Толчком для такого поворота могло послужить жестокое подавление Каролингами восстания соседних с руянами лютичей и ободритов в 838-839 гг.

Естественно, что ситуация, сложившаяся в результате войны 844 г., подсказала "дарение" монастырю острова, который предстояло христианизировать - теперь уже принудительно - в ходе дальнейшего наступления империи на славян.

Составители подложной грамоты, вероятно, использовали другую версию предания, пересказанного Гельмольдом: они опирались на убеждение, что Гостомысл владел и островом Рюген. Это задним числом сообщили только анналы самого Корбейского монастыря, где есть упомянутое выше краткое известие. Считать его лишь плодом тенденциозного вымысла мешает достаточно ощутимая соотносимость с версией, отраженной у Гельмольда: если при Людовике Благочестивом корбейские монахи обратили руян в христианство, то ему или его сыну Лотарю естественно было бы закрепить остров за монастырем. Но оказалось, что для этого потребовалась победа над

королем Гостомыслом, хотя Руян не входил в территорию ободритов, война с которыми Фульдской хроникой IX в. была зафиксирована.

Но Бертинские и Ксантенские анналы, говоря о войне 844 г., называют не ободритов, а вообще славян. То обстоятельство, что Гостомысл фигурирует в Фульдской хронике IX в. именно как король (гех), которому подчинены славянские "корольки" (reguli), давно обращало на себя внимание исследователей, отмечавших, что предшествующих и последующих правителей ободритов хронисты называли князьями, а не королями³⁸. Естественнее всего объяснить эту особенность тем, что к середине IX в. сложился более широкий союз племен, возглавлявшийся Гостомыслом³⁹. Центр этого союза мог находиться именно на Руяне. Гельмольд, писавший, правда, позднее, особенно выделял племя руян: "Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму"⁴⁰. Выделял руян как сильнейшее из славянских племен и писавший за сто лет до Гельмольда Адам Бременский.

В IX в. Руян еще успешно противостоял Каролингам, хотя война 844 г. своим результатом побуждала активизировать перемещение балтийских славян на восток. Можно полагать, что как раз в это время король руян и ободритов Гостомысл стал инициатором усиления упомянутого процесса. Новгородская ИЛ позволяет именно в таком смысле истолковывать ее лапидарный текст.

Эта летопись упоминает "Великий град" как столицу, которая была захвачена пришельцами "варягами". Столицей ободритов был Велиград, название которого и латинские тексты передают как Магнополис, т.е. именно

³⁸ См., например: *Bulin H.* Pocatky statu obodrickeho // *Pravnehistoricke studie*. Praha, 1958. T. 4. S. 38-39; *Fritze W. H.* Probleme der abodritische Stammes - und Reichsverfassung und ihren Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // *Siedlung und Verfassung der Slaven zwischen Elbe, Saale und Oder* / Herausgegeben von H. Ludat. Giessen, 1860. S. 157.

³⁹ Ср.: *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte... S. 74.

⁴⁰ *Гельмольд.* Славянская хроника. С. 100.

Великий город. Этот город, известный также под названием Рерик, был разрушен во время нападения датского правителя Годфреда в 808 г., о чем сообщают хроники, причем была опустошена земля ободритов, которые оказались вынуждены пообещать выплату дани. О возложении дани в связи с захватом "Великого града" и "протчих" говорится и в ИЛ. Согласно ее тексту, Гостомысл, посланный отцом по просьбе людей, которые "терпяку тугу велику от варяг", их "овы изби, овы изгна", и после победы над ними "град во имя старейшего сына своего Выбора при мори построи". Критики ИЛ летописи указывали на то, что город Выборг построен шведами значительно позже в бухте Финского залива. Последний переписчик ИЛ, вероятно, думал действительно о нем, транскрибируя соответственно написание своего скорописного оригинала. Но можно полагать, что там читалось не совсем так. Разрушенный Велиград находился на некотором удалении от Балтийского моря; он со временем возродился, но прежнего значения уже не имел и, хотя оставался главным городом ободритов, был известен уже под своим немецким именем Микилинбург (отсюда позднейшее название немецкой земли Мекленбург). Зато именно "при мори" - на той же реке, что и Велиград-Рерик, но при впадении ее в море, вскоре появился город Вышмор (или Весмир), впоследствии получивший немецкое название Висмар, который стал крупным центром торговли, каким был прежде Велиград⁴¹.

Следующая фраза ИЛ: "Учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли". Как раз к этому периоду относится заключение немецкого исследователя истории государства ободритов о переходе их "от союза с франками к альянсу с данами", причем "взаимодействие ободритов и данов", по его словам, "стало важным фактором политических расчетов"⁴².

ИЛ, писавшаяся в начале XI в. в Новгороде, не вдавалась в систематическое рассмотрение обстоятельств, важных для ободритов, велетов и руян на полтора столетия раньше. Ее интересовали дела Приильменья, а не Прибалтики. Поэтому

⁴¹ См., например: *Havlik L. E. Slovanske statni utvary...* S. 155. Подробнее обсуждал последний вопрос А. Ф. Гильфердинг уже в первой части своего труда (*Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1855. Т. 1 С. 72-73*).

⁴² *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte...* S. 139-142.

не вызывает удивления отсутствие в ней известий о военных действиях там в 838-839 гг., в 844 г. и позже, но симптоматично упоминание о "тишине" в связи с разговором о Гостомысле. Немецкие историки, склоняясь к тому, что в этот период у ободритов произошла смена династии, показателем этого считали резкие отличия имен Гостомысла, упомянутого под 844 г., и Добромысла - под 862 г. - от имен предшествовавших правителей. К середине IX в. относили и переход от племенного управления к политическому единству⁴³, причем "правление Гостомысла должно было иметь достаточную силу, чтобы вовлечь всех подвластных ему князей" в борьбу против подчинения Каролингам⁴⁴.

Можно полагать, что могущество Гостомысла в Прибалтике основывалось на объединении под его управлением руян и ободритов при ориентации на альянс с датчанами. Но этим обеспечивалась не столько безопасность от продолжавшегося наступления Каролингов, сколько "тишина" для той части прибалтийских славян, которая переместилась на восток, будучи там защищена от Каролингов.

Соотнесенность Гостомысла в латинских источниках не только с ободритами, но и с руянами, требует обратить специальное внимание на историческую роль места обитания последних, именуемого в немецких текстах *Insel Rugen*, а в русском фольклоре - "остров Буян". Главенствующее положение Руяна и его правителей среди племен славянского Поморья - от Дании до земли пруссов, отмеченное средневековыми хронистами, заставляет именно там усматривать центр Руси прибалтийской.

Как известно, из трех "центров" (или "племен" или "видов") Руси (в зависимости от различия предлагавшихся переводов), о которых писали арабские авторы середины X-го века и позже, относительно двух первых мнения подавляющего большинства исследователей в основном сходятся: это Киев и Новгород. Что касается третьего, то географический разброс предлагавшихся идентификаций его на просторах Восточной Европы был весьма значителен -

⁴³ *Fritze W. H. Probleme der abodritische Stammes - und Reichsverfassung... S. 201-202.*

⁴⁴ *Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte... S. 74.*

при одинаковой, в общем, недостаточности соотнесений с тем, что говорится у не во всем совпадающих авторов дошедших арабских свидетельств. Эти свидетельства, относящиеся к Руси и славянам, касаются не только трех "центров" - разнообразный по содержанию комплекс восточных источников довольно велик. В совокупности они были рассмотрены не так давно А.П. Новосельцевым, работа которого сохраняет значение и ныне, спустя четыре с лишним десятилетия, хотя отдельные памятники после нее подвергались более обстоятельному обсуждению. Но аргументацию своих предшественников Новосельцев анализировал порой бегло, а нередко ограничивался упоминанием. Это относится и к вопросу о трех "центрах"⁴⁵.

По словам А.П. Новосельцева, "чешский арабист И. Хрбек опубликовал большую статью, ставящую целью доказать, что Арсания - не что иное, как западнославянский остров Рюген", но, "несмотря на большой исторический и лингвистический материал, использованный И. Хрбеком, его точка зрения не убеждает"⁴⁶. Не сказав ничего более конкретного об этом исследовании, Новосельцев переходит к краткому аргументированию собственной точки зрения, которое сводится к варьированию аргументов его предшественников и позволяет автору заключить, что целесообразно "присоединиться к сторонникам расположения Арсы в районе Верхней Волги и поместить третий вид русов где-то в районе Ростова - Белоозера"⁴⁷. Между тем исследование И. Грбека заслуживает весьма внимательного отношения - уже только потому, что опирается на тщательный текстологический разбор всех имеющихся

⁴⁵ Сравнительно полный обзор предшествующих работ был помещен ранее в статье: *Wilinbachow W. B. Przyczynek do zagadnienia trzech osrodkow dawnej Rusi // Materialy zachodnio-pomorskie. Szczecin, 1961. T. 7. S. 517-530.* Сам автор предположил, что все три "центра" находились на южной Балтике. Однако аргументы в пользу такой идентификации "Куявии" и "Славии" представляются слишком недостаточными, и поддержки она не получила.

⁴⁶ *Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Новосельцев А. П., Пащито В. Т. Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 418.* Единственным аргументом в пользу такого заключения Новосельцева оказывается его фраза: "Т. Левицкий уже после выхода в свет статьи Хрбека считает возможным отождествлять Арсу с мордовской эрзей" (Там же). Но вышедшая в Польше всего через три года после напечатанной в Чехословакии работы Грбека статья Левицкого просто была написана раньше, чем автор ее смог познакомиться с исследованием Грбека, которого Левицкий вообще не упомянул, говоря об истории вопроса (см.: *Ltwicki T. Znajomosc krajow i ludow Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // Slavia antiqua. Warszawa; Poznan, 1961. T. 8. S. 61-124.*)

⁴⁷ *Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 419.*

свидетельств (с учетом палеографических особенностей их). В приложении к своей работе автор приводит все тексты в оригинале и в переводе, а обращаясь к их рассмотрению, полностью учитывает историко-литературный фон и историю самих памятников, историю их взаимных отношений, сопоставляет внимательно варианты написаний ключевых терминов во всех имеющихся рукописях⁴⁸.

Рассмотрев в четком, компактном изложении мнения и аргументацию своих предшественников. И. Грбек продемонстрировал уязвимость их построений, констатировал, что им не удалось "прийти к одной общепризнанной точке зрения" и что "предыдущие попытки исходили не из всех фактов, содержащихся в арабском оригинале книги Аль-Истахри". Написанный около 950 г. этот текст послужил источником для почти дословно повторившего его Ибн-Хаукаля и для анонимного автора "Худуд-аль-Алама", который, используя и другие источники, "комбинирует их с первоначальными сведениями Аль-Истахри, что, однако, скорее отрицательно, чем положительно отразилось на ясности текста" (628). Как показал И. Грбек, смущавшие некоторых интерпретаторов противоречивые географические указания, что "Арта" и "Артания" помещаются "между землей хазар и Великим Булгаром" и вместе с тем что за "Артой" находится безлюдная земля, до которой можно дойти до гор, где расположена стена Александра для защиты от Гога и Магога", и даже, что "Гог и Магог - племена русов", которые "относятся к тюркам" (634),- это индивидуальные добавления некоторых рукописей Аль-Истахри, обязанные в первом случае "ошибке при переписывании" (646), а во втором явившиеся "лишь результатом комбинирования и фантазирования" (648).

Путем скрупулезного текстологического сличения и источниковедческого анализа И. Грбек доказывает не только это. Обратившись к тексту "Худуд-адь-Алам", исследователь констатирует, что указание, будто бы все три центра трех племен руси находятся на "реке Рус", - "результат комбинаций анонимного автора" (632). И. Грбек допускает вначале, что из оригинальных известий этого

⁴⁸ *Hrbek I.* Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientální. Praha, 1957. T. 25. S. 628-652. Далее ссылки на страницы этой работы даю в тексте.

источника можно было бы "с доверием относиться разве что к сведениям об изготовлении мечей и клинков" именно в "Артабе" (634). Но после сопоставлений с совокупностью аналогичного рода известий арабских предшественников у этого анонима И. Грбек отводит такое предположение, написав: "Автор "Худуд-аль-Алам" знал о производстве мечей в России, однако точное место их происхождения оставалось для него неизвестным. Поэтому он просто приписал их городу "Артабу", о котором на основании данных Аль-Истахри предполагал, что он находится в России" (644)⁴⁹.

Анализируя построения своих предшественников, И. Грбек обращает внимание на то, что если Киев и Новгород как центры соответствующих "племен" Руси идентифицировались довольно убедительно большинством исследователей, то в качестве третьего центра предлагалось много вариантов, ни в одном из которых речь не шла о городе, выдерживающем сравнение по значимости с Киевом или Новгородом.

Этот существенный дефект преодолен автором, который так формулирует условия решения задачи: 1) следует иметь в виду "всю территорию славян в первой половине 10 века; 2) город (и племя) должен был иметь приблизительно такое же политическое и/или экономическое значение, как Киев и Новгород; 3) название города должно графически (и фонетически) соответствовать арабской форме "Арка (Арфа)"; 4) название племени должно соответствовать форме "артания" (или ее вариантам); 5) предметные данные арабских авторов должны соответствовать действительному положению вещей" (638).

Обозрев состояние славянских политических образований на юге и западе Европы в сопоставлении со степенью их известности у арабов того времени, И. Грбек приходит к заключению, что речь должна идти именно о прибалтийских славянах - тем более, что "на южном побережье Балтийского моря, а также на островах, было найдено много арабских монет (преимущественно саманидского происхождения), относящихся к 8-10 векам" (десятки тысяч монет в сотнях

⁴⁹ Автор оставляет вне рассмотрения позднейшие обработки и компиляции, заметив, что "Аль-Идриси, Ад-Дамашки и Ибн-Ияз делают лишь несущественные дополнения, являющиеся чистой фантазией и не имеющие ценности источников" (635).

отдельных находок). Это свидетельствует, что как раз прибалтийские славяне "поддерживали в 9-10 веках оживленные торговые связи с восточными частями халифата" (640). Отсюда - правомерность попытки искать город "Арка" и племя "артания" именно здесь⁵⁰.

Отметив, что варианты текста в рукописях позволяют читать название города, как Арка, а "произношение могло также звучать "Арко"", И. Грбек обращает внимание читателя, насколько близки "засвидетельствованные формы названия Аркона (Archon, Arkon, Arcun, Arcon)" на острове Рюген (640).

Автор указывает, приводя свидетельства источников, что "город Аркона принадлежал к наиболее крупным и значительным торговым центрам на Балтийском море", напоминает, что именно в Арконе "находилось святилище языческого бога Святовита - культовый центр балтийских славян, в который стекались дары и пожертвования со всех славянских земель". Наивысший расцвет Арконы относится к XI-XII вв., а это позволяет полагать, что "она была достаточно знаменита и в X веке", выдерживая сравнение с Киевом и Новгородом (640).

Название племени, пишет И. Грбек, "мы можем прочесть как "аруяния"; славянское племя, населявшее остров Рюген (Rana, Ruiana, Ruyia, Rugia, Roja, Rugiana), имеет у анналистов различные названия: Rugiani, Ruyani, Rujani, Rojani, Ruani, Rani и т. д.". Автор отсылает к работе Милевского, который "доказал, что Ruiana, Ruiani является более древним обозначением острова и его жителей, а Rana, Rani - более поздним", и обращает внимание на то, что именно "древнейшая форма (Ruiani) весьма сходна с формой (А)руяния, засвидетельствованной у Аль-Истахри" (641)⁵¹.

⁵⁰ Но не в Скандинавии, где пытались искать их позднее без должного учета исследований Грбека и данных археологии, о которых писал В.Л. Янин, охарактеризовав датированные находки, относящиеся к периоду до конца первой четверти IX в.: "Основная и при том сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на земле балтийских славян" (Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 89).

⁵¹ И. Грбек указывал попутно на "интересную параллель с отнесением арабами жителей Рюгена к русам: Герборд и Эббон называют остров Рутения, а его жителей - рутены" и напоминал, что "оба названия всегда использовались средневековыми хронистами в качестве обозначения России и русских", а "в Магдебургских анналах за 969 год жители Рюгена именуется Rusci" (641). Автор исследования, посвященного арабским свидетельствам, не углублялся в поиск подобных параллелей у авторов западноевропейских. Такой поиск осуществил впоследствии Н. С. Трухачев, а до него приводил аналогичные примеры - тоже применительно к

Обратившись к рассмотрению "предметных данных" арабских текстов, И. Грбек констатирует: "Они соответствуют тому, что мы знаем из других источников об Арконе, Рюгене и их жителях" (641). Географическое положение Рюгена и Арконы "вполне соответствует сообщению о морской торговле, и торговая деятельность жителей острова" достаточно отражена в источниках. "Рюяни предпринимали путешествия в различные страны, а в самой Арконе имелся особый квартал, где жило много иностранных купцов", - пишет И. Грбек, ссылаясь на источники (641).

Предшественников И. Грбека особенно смущала фраза арабского текста о том, что жители "Арты" убивают иноземцев. Даже после его работы А.П. Новосельцев счел возможным присоединиться к тем, кто полагал, что это - ложное утверждение, которое "распространяли болгарские купцы"⁵². Между тем нет никакой нужды в столь натянутом объяснении, так как арабская информация лишь, обобщая, гиперболизирует реальные факты. Они, в свою очередь, объяснялись реакцией именно балтийских славян на жестокости насильственной христианизации в ходе военной экспансии Каролингов. Как раз на Рюгене, в Арконе, напоминает И. Грбек, "стоял известный храм языческого бога, где ежегодно приносился в жертву один христианин, то есть иностранец" (642). Автор подчеркивает, что "источники говорят о жителях Рюгена в довольно сильных выражениях, таких, как "crudentes", "gens fortissima" и т.п.", и христианским миссионерам "было опасно для жизни отправляться к ним" (642). Грбек отмечает, что в непосредственном соседстве с островом Рюген обитали четыре племени велетов, которые принадлежали к наиболее диким и жестоким славянским племенам, причем "неоспоримо, что лютичи-велеты были далеко за

прибалтийским славянам - А. Г. Кузьмин. Ранее М. А. Максимович обращал внимание на известия западных источников "об участии русского князя (Princps Russiae) Велемира, русского герцога (Dux Russiae) Радеботта и ружского князя Венцеслава (Pr. Rugiae) в Магдебургских турнирах Генриха Птицелова в 938 г.". Он замечал: "...из сего видно (по условиям турнира), что эти Russia и Rugia в первой половине X века были в пределах Римской империи; что эти русские князья были веры западной" (Максимович М. А. Собрание сочинений. Киев, 1876. Т. 1. С. 322-33). См., например: *Goldast M. Collectio constitutionum imperialium. Tomus Primus. Francofurti ad Moenum, 1713. P. 213-214.* Здесь сказано, что дается перечень участников из областей Империи: Германии, Галлии и Sclavogum. Таким образом, славянские князья, охваченные процессом христианизации и участвовавшие в этих турнирах, являлись на них представителями, очевидно, Руси прибалтийской, номинально уже входившей в состав Империи.

⁵² Новосельцев А. П. Восточные источники ... С. 419.

пределами своей родины известны необычайной жестокостью и дикостью и что их отношение к чужакам было крайне недружелюбным". И. Грбек справедливо объясняет это "длившейся столетиями враждой с немцами и христианами" (643)⁵³. Напомнив о предположении, будто бы сведения "о враждебности жителей "Арки" по отношению к чужеземцам" являлись "вымыслом с целью отпугнуть чужих купцов", И. Грбек называет его "совершенно излишним", так как "мы можем согласовать сообщение Аль-Истахри" с тем, "что мы знаем о балтийских славянских племенах из других источников, и нам не требуется прибегать к легенде для объяснения этого явления" (643).

Автор рассматривает перечни товаров, которые, согласно арабским источникам, вывозились из "Арки". Аль-Истахри указывает только свинец и черных соболей, Ибн-Хаукаль добавляет еще черных лис и "зайбак". Проанализировав соотношения рукописей, Грбек приходит к заключению, что "данные Ибн-Хаукаля о вывозе лис и рабов из "Арки" могут восходить к маргиналиям Аль-Истахри", и тогда "мы можем считать их достоверными" (644). "Как важный торговый центр на Балтийском море Аркона сосредоточивала товары из различных соседних стран", - подчеркивает И. Грбек и указывает, что меха, естественно, могли доставляться из Швеции и Восточной Европы, а свинец - из той же Швеции, Польши или Силезии и даже из прибалтийского Поморья. Он приводит данные источников относительно месторождений там свинца, о развитом экспорте мехов из названных земель как раз в то время, о котором идет речь. Что касается работорговли, то И. Грбек отсылает к информации Гельмольда, который "подчеркивает, что Rujani приобретают свое богатство за счет продажи рабов", а, кроме того, вообще "имеется много свидетельств о работорговле в балтийских странах" (645).

И. Грбек резюмирует, что "ни один из фактов не свидетельствует против идентификации "Арка" с Арконой, а "аруяния" с жителями Рюгена; описание, которое содержит первоисточник Аль-Истахри, вполне соответствует

⁵³ В примечаниях И. Грбек напоминает сообщения Адама Бременского и Гельмольда о жителях расположенного вблизи Руяна крупного торгового центра балтийских славян - Волина: они "были гостеприимны, однако саксы, которые туда отправлялись, должны были скрывать свое христианство, чтобы не лишиться жизни" (643).

этническим и хозяйственным отношениям в Арконе, на Рюгене и славянском побережье Балтийского моря" (645). Исследовав "все сообщения, которые содержатся в старинных арабских географических трудах о третьем племени русов", автор заключает, что "единственным решением, которое отвечает всем требованиям критического рассмотрения предмета и источника, является идентификация с Арконой и Ruĵani (жителями острова Рюген)" (648).

Исследование И. Грбека, к сожалению, учитывалось слишком недостаточно даже авторами, знавшими о нем и позднее специально обращавшимися к вопросу о "трех центрах Руси": сведения арабских географов стремились привлекать, как бы абстрагируясь от результатов текстологических сопоставлений, позволивших Грбеку обоснованно вывести за рамки правомерного использования в качестве источника искаженные тексты позднейших версий и уникальные особенности дефектных списков, порожденные недопониманием исходного текста переписчиками. Это приводило к малооправданному наращиванию географического разброса интерпретаций и к преувеличению значимости поздних распространений основного источника, досконально изученного И. Грбеком⁵⁴.

Между тем важность результатов его исследования особенно очевидна при сопоставлении с другими опытами идентификации этих сведений. Только Аркона и руяне имеют бесспорное ближайшее созвучие с арабскими текстами; только Аркона из всех предлагавшихся соотнесений выдерживает сравнение по значимости с Киевом и Новгородом; только руяне действительно убивали иностранцев, принося христиан в жертву своему верховному божееству в эпоху острого противостояния, имевшего место в десятом веке, когда уже велась принудительная христианизация балтийских славян немцами; соответствуют реалиям Рюгена и сведения арабских текстов о номенклатуре вывозимых товаров.

Ко второй половине предшествовавшего, девятого века восходят сведения

⁵⁴ См., например: *Thulin A.* The third Tribble of the Rus // *Slavia antiqua*. Warszawa; Poznan, 1979. Т. 25. Р. 99-139; *Коновалова И. Г.* Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII-XIV вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования*. М., 1995. С. 139-148.

других арабских авторов относительно "острова русов". И. Грбек к ним не обращался вследствие ограниченности своей конкретной задачи. Но соотносимость этих сведений с тем же Руяном достаточно очевидна. Соответствующие суждения не раз высказывались и подробно аргументировались с опорой на источники. Главное различие состоит в том, что до середины девятого века еще не было интенсивного натиска Каролингов на руян, и соответственно в источниках, отображавших этот период, нет данных о враждебном отношении жителей острова к иноземцам, тем более - об убиении пришельцев.

К первой половине девятого века относятся рассмотренные выше данные, которые дают основание полагать, что Гостомысл возглавлял тогда ободритов и руян, а новгородская ИЛ указывает на то, что главенство распространилось и на племена, обитавшие в бассейне Ильменя. В свете этих данных несколько расширяется и уточняется смысл проницательного суждения, высказанного более тридцати лет ведущим современным археологом: "Новгород на заре своей истории возник не как центр только племенного союза новгородских словен, а как столица громадной разноэтничной федерации нашего Северо-Запада, состоявшей из племен западных и восточных славян и аборигенных племен финно-угорского происхождения"⁵⁵.

Территория Новгородской земли в IX столетии, а вероятно и ранее, была в значительной степени населена выходцами из западнославянского Балтийского Поморья. Велеты-волоты и балтийская русь, прибывавшие как минимум двумя волнами, закрепились здесь на обширных пространствах, маркируемых топонимами, которые связаны, очевидно, с самоназваниями переселенцев.

Можно полагать, что такая федерация возникла в связи с неудачей крупного восстания прибалтийских славян против Каролингской империи, происходившего в 838-839 гг. Тогда ободриты и велеты, потерпев поражение, принуждены были дать заложников. Именно после этого ободриты, велеты и

⁵⁵ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 220. Судя по контексту, автор имел тогда конкретно в виду под западными славянами кривичей как вероятных пришельцев из Прибалтики, поскольку с ними соотносится Людин конец, главная улица которого называлась Прусской.

руяне под главенством короля острова Руяна Гостомысла, вероятно, активизировали контакты с потомками велетов, переселившихся ранее в северо-западные земли Восточной Европы. Нараставшая после окончания распрей между сыновьями Людовика Благочестивого угроза интенсификации каролингского натиска на славян, усилила миграцию западных славян на восток. Отпадение ободритов от подчинения Каролингской империи, на которое сетовал Фульдский анналист, естественно объяснить вступлением их князей в федерацию под патронажем набиравшего силу государства руян, возглавленного Гостомыслом. В связи с вторжением войск Людовика Немецкого в 844 г., временный успех которого таил угрозу новых агрессий, происходит, очевидно, перемещение центра федерации на восток, и Гостомysl оказывается уже не на Руяне, а у берегов Ильменя⁵⁶. Здесь возникают поселения прибывших с ним славян - руси прибалтийской. Им могут быть обязаны своим происхождением многочисленные топонимы с корнем "рус" в Приильменье.

Источник:

Азбелев С.Н. Гостомysl //
Варяго-русский вопрос в историографии. - М., 2010. - С. 598-618.

⁵⁶ Князь Добромysl, возглавлявший ободритов при вторжении к ним Людовика Немецкого в 862 г., мог быть не сыном Гостомысла, как предполагали некоторые исследователи, а его младшим братом, который оказался послан в наиболее уязвимую из земель федерации. Сыновья Гостомысла, как мы знаем из текста ИЛ, "ово на войнах избиени, ово в дому измороша". Очень возможно, что один из этих сыновей погиб как раз в 844 г., что помогло Фульдскому анналисту, преувеличившему успех своего повелителя, даже объявить об убиении самого короля Гостомысла.